

СОБАЧЬИ СТРАСТИ

В молодости я часто меняла работы: то в библиотеку устраюсь, то в профтехучилище, то в школу, но, как принято говорить в таких случаях, нигде себя не находила. А однажды так случилось, что у меня и вовсе никакой работы не оказалось и, как следствие, денег тоже. Нужно было срочно что-то предпринять.

В те времена, а было это в начале восьмидесятых, страна еще называлась Советским Союзом, а я жила в городе Саратове. Он и сейчас так называется.

И вот иду как-то по проспекту Кирова и встречаю однокашника по филфаку. Оказалось, он нехило устроился. Сидит в Приволжском издательстве, и связей у него тьма.

— Да, без работы паршивенько, — посочувствовал он, вникнув в проблему. — А в газету не пробовала сунуться?

— Нет, — качаю головой. — Туда разве можно просто так?

— Погоди, — говорит сокурсник. — Дай сообразить. Не помню сейчас точно, как эта газетенка называется, то ли «Транспортировщик», то ли «Транспортник», да это и не важно. Главное, рулит в ней один мой приятель. Давненько мы с ним не созванивались.

Мобильников в те времена не было, и, чтобы позволить этому приятелю, мы зашли в издательство.

— Баб не берем, — заявил приятель. — У них то бюллетень, то декрет. К тому же коллектив у нас, сам знаешь, мужской: я, мой зам, фотокор и два корреспондента. Оба бездарные. Один, слава богу, уволился. Ты фотографа нашего Теребкова помнишь? Ну, того, что в июльском номере передовиков в зимних шапках разместил. Женился он, представляешь? После этого мы слегка изменили его фамилию. Был «Теребков», стал «Тер-Ебков!». А при даме разве такое скажешь?

Но то ли не хотелось редактору газетки отказывать приятелю из издательства, то ли планеты в тот день так встали, а только после долгих препирательств согласился он все же меня испытать. Мол, пусть придет, получит задание, напишет материал, а там видно будет...

— Теперь все от тебя зависит, — напутствовал меня однокашник. — Понравится статья — примут, не понравится — тут уж, как говорится, ничего не попишешь...

И я помчалась. Редакция газеты «Автотранспортник» ютилась в небольшой пристройке к гаражам таксопарка. Пройдя сквозь строй машин с поднятыми капотами, в которых неспешно ковырялись мужики в промасленных спецовках, очутилась я наконец в комнате с пятью письменными столами и шкафом, набитым папками. За самым большим столом сидел грузный лысоватый мужчина предпенсионного возраста. Перед ним возвышались большой черный телефон и стопка рукописей. Это и был главный редактор. Кроме него, в редакции никого не было.

— Быстро вы, — осуждающе произнес он, не отрываясь от бумаг.

Мы познакомились. Сергей Борисович, так звали главреда, провел для меня коротенький ликбез.

— Обратите внимание, — он развернул свежий номер, — газету не принято выпускать с пустыми страницами. Поэтому ее заполняют разными буквами. Желательно, чтобы при этом угадывался хоть какой-то смысл. На первой странице: перевыполняем план и следуем линии партии. На второй и третьей: равняемся, соревнуемся, критикуем недостатки. На четвертой, слава богу, последней: культпоходы, хоб-

би, случаи из жизни, поздравления, некрологи. Вам все понятно?

— Почти. Только где брать материалы на эти темы?

— Вот из этого справочника. — Редактор протянул мне тоненькую книжечку. — Тут все семьдесят шесть автопредприятий Главного транспортного управления. Езжайте в любое, там все и найдете.

— Неужели в любое?

— Не надо так буквально все понимать, — поморщился Сергей Борисович. — Сначала адрес прочтите. Тут есть такие, что в степи, вдали от цивилизации. Например, — он раскрыл справочник, — СПАТП-13. Саратовское производственное автотранспортное предприятие. Три с половиной ржавых автобуса, и те не на ходу. Зачем туда ехать?

— Незачем, — торопливо соглашаюсь, боясь показаться дурой. — А сколько времени вы даете мне на статью?

— К завтрашнему утру.

— Как! — От изумления я почти теряю дар речи. — Уже завтра?

— Рабочий день у нас начинается с девяти, — невозмутимо продолжил редактор. — Если в девять меня не будет, оставьте на столе. Созвонимся.

После этих слов он демонстративно углубился в чтение. Разговор был окончен.

«Все ясно, — подумала я. — Брать в газету ты меня не хочешь. Поэтому и послал: "Иди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что. И главное, не забудь утром принести"».

Понимая, что рабочий день вот-вот закончится и хоть со справочником, хоть без справочника, никуда уже не попасть, в полной прострации вернулась я домой. Надо было срочно найти какой-то выход. Но, как назло, в голову ничего не лезло. Чтобы хоть как то успокоиться, включила телевизор. Уставилась на экран. Шла детская передача. Плюшевый песик, смешно потряхивая ушками, что-то рассказывал известной телеведущей. Ах, песик-песик... Мне бы твои заботы...

И вдруг какая-то извилина моего мозга, видимо, отечавшая за чрезвычайные ситуации, внезапно включилась, и меня тотчас осенило: «Песик! Да это же высшие силы тему подбрасывают!»

Текст будущей статьи, если это можно было так назвать, сложился удивительно быстро. Читателям «Автотранспортника» предстояло узнать от меня потрясающую историю: будто бы я по заданию редакции отправляюсь я в заволжские степи, дабы написать очерк о скромных и трудолюбивых работниках трудногоговариваемого СПАТП-13.

Чтобы сократить время, беру такси. Едем. Лихой таксист то и дело прибавляет ход. И вдруг на середину

дороги выскакивает собака. Каким образом она в степи, неизвестно. Псы стоят, ласково помахивая хвостом, будто хотят обратить на себя внимание.

— Смотри, собака! — говорю водителю.

— Вижу, — отвечает шофер, но скорости не сбавляет.

Наш автомобиль еще довольно далеко, пса вполне можно объехать. Но расстояние стремительно сокращается. Пес, будто поджидая нас, с дороги не сходит.

— Тормози! — кричу, поняв, что вот-вот столкнемся.

И происходит страшное: глухой стук о бампер, жуткий визг, и, описав дугу в воздухе, сбитое животное падает на обочину.

— Я думал, отбежит, — спокойно объясняет водила и как ни в чем не бывало продолжает путь.

— Останови машину! — требую я.

— Зачем?

— Останови, говорю!

Затормозил. Подбегаю к обочине. Пес еще жив, он дышит, но весь в крови.

Задним ходом шоферюга подкатывает автомобиль ближе. Приоткрывает дверцу:

— Поехали. Он все равно сдохнет.

— Разворачивайся, — говорю я.

— Зачем?

— Обратно поедем. К ветеринару. Его спасти нужно.

— Хочешь мне салон перепачкать? Ну уж нет! Давай садись и не дури.

Пытаюсь напоить пса водой из бутылки, что захватила с собой в путь. Он смотрит на меня благодарным, почти человеческим взглядом и тихо стонет.

— Так мы едем или нет? — нетерпеливо орет шофер.

— Нет.

— Ну и сиди здесь, малахольная.

Он врубает мотор и укатывает прочь. Попуток, как назло, нет. Ночь в степи наступает быстро. Пес, прожив еще пару часов, умирает.

Наконец наступает утро. Не придуманное. Настоящее. К девяти часам, как договорились, несем свои аккумуляторные каракули в редакцию. Главного редактора, как я и предполагала, в комнате не оказалось. Вместо него сублинный интеллигент лет сорока вычерчивал макет предстоящего номера. Это был его заместитель Виталий Семенович.

— Кладите на стол. Сергей Борисович обязательно прочтет. — Видимо, зам был в курсе моего прихода.

Однако ни в этот, ни на следующий день никто мне не позвонил. Прошел еще день. Тишина.

— Это провал, — решила я. — Эх, песик-песик...

Утром третьего дня неожиданно раздался звонок.

— Газета вышла, — сообщил Сергей Борисович. — Приходите после обеда. Часам к трем.

— Неужели напечатали? — радостно залепетала я в ответ, но редактор уже положил трубку.

Ровно в три, готовая ко всему, явилась я в «Автотранспортник». На этот раз в комнате были все. Каждый на своем месте. Сергей Борисович, не прерывая телефонного разговора, молча кивнул, указывая на свободный стол у окна. В непосредственной близости от начальника Виталий Семенович все так же занимался макетом.

Первым представился фотограф. Совсем еще юный парень в спортивном костюме и стрижкой ежиком. Он подошел, держа в руках годовую подшивку «Автотранспортника»:

— Стас Терехов. Фотограф. Все, что здесь увидите, — мои работы.

И годовая подшивка шлепнулась передо мной на стол.

— Очень приятно, — улыбнулась я, а про себя хихикнула: «Так вот ты какой, Тер-Ебков».

Еще один молодой человек, чей стол скромно стоял в углу, привстал при моем появлении:

— Павел Крашенинников. Корреспондент. Можно просто Паша. Между прочим, мы с вами давно знакомы. Вы пятый курс заканчивали, а я на первом учился. Не помните меня? Вы еще номерок в гардеробе потеряли, а я вам искать помогал.

— Нашли? — поинтересовалась я.

— А как же! Вы меня потом так благодарили...

Хоть убей, никакого Пашу с первого курса я вспомнить не могла, но все равно радостно воскликнула:

— Надо же! Как тесен мир!

Наше милое общение прервал зам:

— Тут нам из СПАТП-13 все утро названивали. — В его голосе угадывалась плохо скрываемая ирония. — Просили уточнить, где, в каком именно месте от их хозяйства случилось это ужасное происшествие. Очень за вас волновались. Спрашивали, не нужно ли транспорт выслать.

— Какой еще транспорт? — выпаливаю с ходу. — У них же там три с половиной ржавых автобуса, и те не на ходу!

Зам ошарашен:

— А вы откуда зна...

Его тут же перебивает редактор:

— Не надо так буквально все понимать! Для вас один найдут.

«Не возьмет на работу, — думаю я. — Скажет: "Трепло!"»

А в это время большой черный телефон на столе Сергея Борисовича опять трезвонит, заставляя хозяина снять трубку.

— Да, это главный редактор. Есть такой материал. Что? Нет. К сожалению, точных данных о водителе,

сбившем собаку, не имеем. Надеемся. Ведем журналистское расследование. Обязательно... Конечно... обязательно. До свидания.

— Черт бы побрал этот телефон! — бранится редактор. — Из чего он, интересно, сделан? Трубка весит как хорошая гантель.

— Наверняка еще со сталинских времен остался, — предполагает зам. — Тогда все тяжелым выпускали.

— Ну, и как вам мои фото? — Стас наблюдает, как я листаю подшивку.

— Великолепные!

— Да уж... — не отрываясь от дела, произносит Виталий Семенович.

— Вот этот снимок с пионерами в автобусе я недавно в «Огонек» послал, — продолжает фотограф. — На конкурс «Моя Родина — СССР». Думаете, возьмет премию?

— Запросто!

— Да уж... — опять повторяет зам.

— Виталий! Ты бы это, — Сергей Борисович хмурится, — насчет лимита на бумагу ходил. Знаешь, к кому. Попробовал бы выбить.

— С удовольствием, Сережа! Работать все равно невозможно. От этих звонков уже голова чугунная. — Зам сворачивает макет и быстренько исчезает.

— Здесь никто ничего не понимает в фотографии, — понизив голос, не унимается Терехов.

Слава богу, кроме меня, его никто не слышит. Паша у себя в углу что-то пишет, а Сергей Борисович опять на телефоне:

— Захоронила ли собаку? Это мы выясним. А зачем вам такие подробности? Знаете, лучше напишите нам. Да. Прямо в газету. Все, что вас волнует. Под вашей фамилией и напечатаем. Договорились? Спасибо!

«Не возьмет, — снова подумала я. — Скажет: “Какая же с ней морочка!”»

И тут вдруг раздался такой звонок, после которого голос редактора заметно изменился, став предельно мягким и ласковым.

— Из управления? Да. Это редактор. Главный, — прозвонил он с готовностью. — Кто хочет говорить? Главный? Внимательно слушаю. Как не со мной? А с кем же? Ах да! Автор здесь. Сейчас передам ей трубку.

Сергей Борисович знаком подозвал меня к себе. И я взяла ее: тяжелую, как гантель.

— С вами сейчас будет говорить начальник Главного транспортного управления Виктор Андреевич Степушкин, — проворковала секретарша на том конце провода. — Соединяю.

И, не успев опомниться, я уже слышала бархатный баритон.

— Здравствуйте, — сказал голос.

— Здравствуйте, Виктор Андреевич, — ответила я.

— Только что прочел в нашей газете вашу заметку. Впечатляет, знаете. У меня вед, у самого тоже собака есть.

— А какой породы?

— Терьер. Но у меня к вам немного другой вопрос. — Виктор Андреевич на секунду смолк, видимо, формулируя мысль. — Ответьте мне, пожалуйста. Только честно...

Слово «честно» повергло меня в шок.

— Что? — чуть слышно пролепетала я.

— Вы запомнили номер машины этого мерзавца?

Мне вдруг ужасно захотелось сказать ему правду: «Да не было никакой машины! Не было никакой собаки! Все это я просто взяла и придумала!»

Возможно, эти мысли как-то отразились на моем лице, а возможно, редактор, стоя рядом, интуитивно их почувствовал. В ту же секунду он прямо перед моим носом замотал своим пухленьким указательным пальцем и беззвучно, одними губами, прошептал:

— Не взду-май-те!

Испуганно глядя на него, я сбивчиво понесла:

— Так быстро все произошло... пока с собакой... он сразу уехал... а номер глянуть... даже и не сообразила...

— Жаль. — Большой начальник был разочарован.

— Знаете, была в таком состоянии.

— Понимаю. И все-таки очень жаль, — снова повторил он и, пожелав всего наилучшего, повесил трубку.

— Поговорили? — раздался в телефоне голос секретарши. — Разъединяю.

Пока все приходили в себя, в редакции какое-то время стояла тишина. Первым ее нарушил фотограф.

— Ни фиги себе! — воскликнул он. — Ни разу не припомню, чтобы сюда когда-нибудь Степушкин звонил. Как же это вы номер-то не запомнили? Тут что-то не так. Может, все-таки скажете?

— Что именно? — не поняла я.

— Может, светиться не хотите? Но мы-то люди свои. Никому не растреплемся.

Всем стало ужасно неловко, а Сергей Борисович с улыбкой процитировал:

Когда мы были молодыми,
И чувшь прекрасную несли...

Видимо, он хотел этим что-то сказать...

Фонтаны были голубыми
И розы красные цвели, —

подхватил со своего угла Паша.

— Класс! — восхитился Стас. — Стоило в редакции женщине появиться, как они уже стихами заговорили.

Все рассмеялись. А редактор неожиданно обратился ко мне:

— Ладно, чего тянуть. С сегодняшнего дня вы сотрудник нашей газеты. Поздравляю вас!

— Ура! — От избытка чувств я бросилась ему на шею.

— Ну, началось, — смутился Сергей Борисович.

В дверях показался зам. Он держал в руках три розовые гвоздички.

— От всего коллектива! — сказал он, вручая их мне.

Потом, ради такого случая, все быстренько скинулись и отправили Тер-Ебкова в ближайший гастроном. Так началась моя газетная жизнь.

РУБЛЕВЫЙ ОЛИГАРХ

Наш подъезд, наверное, уже лет пятнадцать, а может, и больше, убирает одна и та же уборщица. Зовут ее Тося. Миловидная, добросовестная, приветливая — так и хочется остановиться и о чем-нибудь порасспросить. Впрочем, жильцы про нее и так давно уже все знают. Сын у Тоси глухонемой, и жена у него глухонемая, и даже мальчишке, что у них родился, Господь слуха не дал. Живут молодые трудно: в основном на пособия сидят. Тося по этому поводу очень переживает. А тут еще недавно родственницу ее паралич разбил. С больной старухой Тосе и вовсе роздыха не стало.

Захожу как-то перед Новым годом в подъезд и вижу: трет шваброй Тося кафельный пол, а сама грустная такая.

— Привет, — говорю, — Тосенька. Как дела?

— Да как сажа бела, — отвечает уборщица.

— Случилось что?

Тося слегка замедляется.

— Случилось — не случилось, кого это волнует.

— А ну-ка, выкладывай! — шутливо приказываю ей.

Тося сначала скромничает:

— Да чего говорить-то. Так... ничего особенного.

Но, видимо, почувствовав во мне терпеливую слушательницу, продолжает:

— А что? Заметно по мне? Знаю. Заметно. Еще бы! Все нервы из-за них измотала. В гроб меня когда-нибудь загонят. Ох, загонят.

Примерно догадываясь, о ком речь, делаю удивленные глаза:

— Кто?

— Сынок с невесткой. Кто же еще? Под самый Новый год такое отчебучили...

От нахлынувших чувств Тося отставляет в сторону швабру и замолкает. Стоим мы с ней посреди подъезда, а мимо нас то и дело снуют по своим делам жильцы пятиэтажки.

— С наступающим! — говорят нам.

— С наступающим! — отвечаем им, а сами перемещаемся в угол под лестницей, где спокойнее.

— Так что же они такое отчебучили? — воскрешаю прерванный разговор.

Тося, как все прирожденные рассказчицы, начинает «от царя Гороха», с бесконечными отступлениями и деталями. Далеко не сразу удается мне уловить основную суть, которая на поначалу кажется довольно простой.

Накануне новогодних праздников сынок ее Паша с женой Викой отправились в «Макдоналдс». Нужно же хоть иногда чем-то себя радовать. И сыночка полуторогодовалого с собой прихватили.

«Макдоналдс» в тот предновогодний день, казалось, вот-вот лопнет от посетителей. Люди с подносами, полными еды, толкались между столиками и были почти готовы садиться прямо на голову счастливицам, успевшим занять «место под солнцем».

Молодые купили бигмаков, картошечки фри с сырным соусом, мороженого с карамельной добавкой — все как положено. Дождались места и сели.

С бигмаками расправились быстро, потому что проголодались. С картошечкой фри уже не торопились: наслаждались, обмакивая в соус каждый кусочек. Наконец, дошли до мороженого.

И тут к их столику неожиданно протиснулся пожилой мужчина. Осторожно, боясь обжечься, он держал в руках бумажный стаканчик с кофе.

— Можно к вам? — заметив освободившийся стул, спросил он.

Павел гостеприимно кивнул. Простые слова он умел читать по губам. Мужчина даже не догадался, что перед ним глухонемые.

Усевшись напротив, незнакомец достал айфон и принялся что-то в нем прочитывать, не забывая

при этом отпивать маленькими глоточками свой напиток.

Глухонемые с интересом наблюдали за соседом. Вот он улыбнулся, рассматривая какие-то фотки. Вот потыкал по экрану пальцем и что-то написал. Вот удивленно поднял брови и опять потыкал. Вот зачем-то достал из куртки толстый бумажник, открыл его и вытащил пачку банковских карточек. Внимательно все перебрал, нахмурился и торопливо запихнул обратно.

И вдруг, ни с того ни с сего, как вскочит со стула! Да так резко, что чуть не выбил поднос из рук мимо проходившей дамы. Пробормотав извинения, адресованные даме, и не забыв улыбнуться на прощание соседям по столу, мужчина стал спешно пробираться к выходу, так и не успев допить свой кофе.

Молодые как раз доедали мороженое. Они тоже засобирались уходить. От прошедшего пиршества на столе теперь оставалась лишь куча смятых упаковок.

Паша, взяв сына на руки, отправился ждать Вику у входа. Но вот незадача: Вика почему-то не шла. Малыш на отцовских руках закапризничал, и Павел, потеряв терпение, бросился обратно в зал.

— Заснула, что ли? — с ходу выдал он жене порцию возмущения.

Вика не реагировала. Она все так же сидела за столом и не сводила глаз с толстого бумажника, что лежал у стаканчика недопитого кофе. Павел оторопел. Неужто сосед забыл? Ну, дела...

— Взять? Не взять? Как думаешь? — на языке жестов спрашивала жена.

— А чего тут думать? — Он демонстративно собрал пальцы в кулак.

Жест сомнений не оставлял. И Вика решила. В ту же секунду кожаный бумажник скрылся в ее потертой сумочке.

На этом месте взволнованная Тося сделала многозначительную паузу. То ли перевести дух хотела, то ли оценить произведенное на меня впечатление. И, видимо, оставшись довольной, продолжила:

— Ума-то ни на грош! Как вышли на улицу, сразу носом в чужую вещь. Даже от «Макдоналдса» не отошли.

— Но что же все-таки в нем было? — Мне не терпелось узнать главное.

— А было в нем сто пятьдесят тысяч, — медленно отчеканила уборщица. — Мужичок-то богатеньким оказался. Одним словом, олигарх.

— Деньги в рублях были?

— В рублях. А в чем же?

— Ну... Олигархи иногда в валюте держат.

— Не, — мотаает головой Тося. — Этот рублевым оказался.

«Рублевый олигарх. Забавно», — подумала я и решила не разочаровывать Тосю предположением, что олигархи, пусть даже рублевые, кофе в «Макдоналдсе» обычно не пьют. Уж очень не терпелось мне узнать, что же случилось дальше.

— А дальше хоть стой, хоть падай. — Голос рассказчицы стал тревожным. — Прихожу домой. Только тетку свою многострадальную успела обиходить, стучат: «Откройте, полиция!» У меня сердце в пятки. Думала, с сыном что. Открываю. Стоят двое. Тычут удостоверения. «Такие-то, Пашку с Викой называют, здесь проживают?» Я так и охнула: «Что с ними?» — «Да нормально все с ними. Где они сейчас могут быть, знаете?» Пришлось раскрывать семейные тайны: мол, здесь они только зарегистрированы. С тех пор, как прошлым летом тетку паралич разбил и я ее к себе забрала, живут молодые в ее комнатке в коммуналке. «Садитесь в машину, поедем к ним». Приезжаем. А их и там нет. «Где они, знаете?» — опять спрашивают. «Понятия не имею», — говорю. Хорошо, что у меня ключ от теткиной комнаты был. Впустила. Сидим, ждем.

— Но при чем тут полиция? — удивляюсь я.

— А притом, что олигарх этот рублевый, черт его принес на нашу голову, после того как ребята мои ушли из «Макдоналдса», обратно к столику прибежал. А там уже другие сидят: «Какой еще бумажник?» Он — к окранию. Те давай смотреть видеокamеры, они там везде понатыканы. И, конечно, сразу увидели, кто забрал вещь. Олигарх» не теряя времени — в полицию. А там быстро адрес пробили.

— И что же могли им предъявить? — недоумеваю я. — Вещь-то забытая была.

— Так-то оно так. Но менты, — Тося по старой привычке служителей закона назвала ментами, — все по-своему перевернули. Мол, сидел человек в «Макдоналдсе», пил кофе. Отлучился на минуточку. А чтобы место никто не занял, оставил на столе недопитый стаканчик кофе и бумажник. А они его —хват! И убежали. А это уже грабеж.

— Да кто же бумажником полным денег, место стережет?

— А кого это волнует? — вздохнула Тося. — Главное, преступление по горячим следам раскрыто.

Дальше, по словам Тоси, уже совсем невероятное началось.

Почти стемнело, когда к пятиэтажке подъехало такси. Из него неторопливо вышли Тосин сынок и невестка с внуком. Водитель принялся помогать клиентам выта-

сбивает бесчисленные коробки с пакетами. Чего только не накупили ребята: Вике дубленку, сапоги и новую сумку, Пашке — зимнюю куртку, костюм и ботинки, а малышу столько всего, что и сосчитать трудно. Продуктами забили такси так, словно на Северный полюс собирались.

А дома их поджидал сюрприз. Вика, как увидела людей в форме, в слезы ударилась. Пашка замычал, руками замахал, объясняться начал. Полицейские не понимают, злятся: «Ох уж, эти немтыри! Сурдопереводчика звать придется». В общем, посадили ребят в автозак и повезли в отделение.

— Мальца, конечно, сунули мне, — продолжает Тося. — Хоть и расстроенная, а стараюсь ребенка не напугать, игрушками забавляю, а сама укладываю потихоньку, время-то позднее. А он и не собирается засыпать. «Может, голодный?» — думаю. Кашу даю — плюется. Говорила невестке: «Отлучай от груди. До армии, что ли, сиськой кормить будешь?» Головой кивает, дуреха, а делает по-своему. Всю ночь пацан ревака задавал. Не спалось и мне: «Деньги-то как теперь возвращать олигарху? Где брать? Вещи купленные, если, конечно, чеки не повыбрасывали, еще сдать можно, а продукты точно назад не примут».

Как же мне стало жалко нашу бедную Тосю! Было страшно даже представить себя на ее месте. Надо было что-то срочно придумать.

— Может, к жильцам нашим обратиться? — внезапно пришло мне в голову. — Вас много лет знают. Вот пусть всем миром и соберут денежки.

— Ой ли? — недоверчиво смотрит Тося.

И меня тотчас охватывают сомнения: вечно что-нибудь не подумавши лягну.

А Тося между тем продолжает:

— Как заснул малыш, стала я подружке школьной звонить. Муж у нее в полиции работает. Может, не откажет в помощи. Не отказал. Только он уж год как уволился оттуда. Но все равно сказал, что утром заедет, и будем вместе ребят из участка вызволять. Я немножко успокоилась и задремала. Проснулась от шума. Думала, муж подруги приехал. А это Пашка пришел. Усталый. Бледнющий. «Где Вика?» — спрашиваю. «Вика там», — пальцами решетку сделал. В общем, в обезьяннике оставили. Оно и понятно. Вика бумажник брала, она и есть главный подозреваемый. Пашка, как сел на диван, не раздеваясь, так сразу и заснул. Видать, намучился здорово. А тут и муж подруги подоспел. Я быстренько собралась и уже почти в дверях стояла, как вдруг слышу: в кармане у Пашки телефон звякает. Вообще-то телефон у него всегда только на вибра-

ции стоит, звонок отключен, но если эсэмэски приходят, то все равно звякает. Наверное, думаю, жена ему что-то сообщить хочет. Тихонько, стараясь не разбудить, вытаскиваю телефон из брючного кармана. Смотрю. И от кого бы, вы думали, пришла эсэмэска?

Голос у Тони стал загадочным, а я, почувствовав себя человеком, лишенным всякой фантазии, призналась:

— Понятия не имею.

— От олигарха! — объявила Тося.

— От олигарха?!

— Да! От него, голубчика рублевого. — В голосе моей рассказчицы неожиданно промелькнула нежность.

После этого, слово в слово, процитировала она мне текст СМС:

— Денег отдавать не надо, — писал рублевый олигарх. — Потратьте на нужды семьи. С полицией все улажу.

Такого поворота я, честно говоря, никак не ожидала.

— Так, значит, все закончилось хорошо?

— Хорошо-то хорошо, да нервов-то сколько, — посоветовала в ответ уборщица.

Глазами она уже вновь отыскивала свою швабру и была далека мыслями. Но вдруг, видимо, окончательно осознав, что все плохое действительно по-

зади, улыбнулась мне на прощание светло и добродушно:
— С наступающим!

